

Вырезка из газеты
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета №

10 ИЮНЬ 40
Москва

Габит Мусрепов и его пьеса

Александр ДРОЗДОВ

В Алма-атинском академическом театре недавно прошла премьера пьесы Габита Мусрепова «Козы-Корпеш и Баян-Слу». Пьесу ждали серьезный успех у зрителя и острая дискуссия в литературных кругах. Зритель, как я сам мог наблюдать, вдохновлялся рыцарскими порывами Корпеша и плакал над горестной судьбой Баян. Люди же искусства обвинили Мусрепова в слишком открытой шекспиризации образов знаменитой казахской народной легенды и в драматургических несовершенствах пьесы.

Правда, литературные ее достоинства признаны единодушно.

Стало быть, в масштабах казахской литературы «Козы-Корпеш» — явление литературно прогрессивное, явление яркое и самобытное, несмотря на отдельные ошибки? Думаю, что это именно так. Думаю, что своей пьесой Габит Мусрепов, писатель неровной творческой судьбы, вышел в первый ряд деятелей казахской культуры.

2.

Писательский путь Мусрепова чрезвычайно петлист. В прошлом его бросало от темы к теме, от жанра к жанру: он перепробовал и новеллу, и роман, и оперное либретто, и киносценарий. Многие из работ, начатых им, не закончены до сих пор. Иногда у него были соавторы, в числе которых можно встретить и таких литературных силачей, как Вс. Иванов. Направлялась сама собою мысль, что многие жанры Мусрепову оказались не под силу, многие темы не по плечу.

Именно такое мнение сложилось о Мусрепове в литературной общественности, мнение, на мой взгляд, несправедливое. Метания Мусрепова шли не от слабости, а от жадности, от хорошей писательской жадности к жизни и ее суровому очарованию. А так как казахская проза молода, и, куда ни глянь, темы лежат нетронутой целиной, то, вполне естественно, у молодого писателя ко всему горит душа, на все

чешутся руки. Творческой мудрости он еще не скопил, профессиональной дисциплины в себе не выработал. Он всем болен зараз, всем взволнован; он всюду хочет творчески наступать, по всем направлениям высылает разведки. Как недисциплинированный, а потому и ненадежный часовой, он легко бросает пост возле еще неисчерпанной темы, чтобы встать на часы около другой. С точки зрения ответственной и зрелой литературы это, конечно, никуда не годится. Это не метод работы. С этим далеко не уйдешь.

И Мусрепов понял, что одной жадности восприятий в литературе мало, что, по словам Баратынского, помимо «пламени воображения творческого» нужен еще «холод ума поверяющего».

3.

Тата выпешдиге из недр народа писателя к золотому фонду народного эпоса законченна.

В XIII—XIV веках в недрах казахского народа родилась легенда о чистой, самоотверженной, высокой любви девушки Баян и юноши Корпеш. Легенда свидетельствует о глубоком лиризме народа, о силе его души, о влечении к образному мышлению. Много вариантов этой поэмы ходит по солончатым пескам Казахстана, однако, сущность ее одна — любовь как сила, движущая жизнь; любовь как высшее напряжение душевной жизни человека; любовь как союз молодых сердец, ничем нерушимый. Поэтические красоты легенды неисчислимы, они — как звезды, как самодельные цветы, и недаром к ней тянутся сейчас казахские и русские поэты. Прочитайте ее: вы услышите топот табунов, и песни акынов, и скрип кочевых повозок, увязавших в желтых песках, вой знойного ветра, и звон гололедицы, и тонкое пение

стрелы. Однако не только поэтические качества отличают эту легенду. Жизнь народа, затерянного в пустыне, его родовой быт, власть богатства и предрассудков, радости народа, горести народа, — все отражено в этой легенде, одной из лучших образов подлинно народного творчества.

Какой явилась она перед нами в драматургической обработке Мусрепова? Его обвиняют в шекспиризации пьесы. Это верно, если хотите. Но что понимать под распространенным термином шекспиризации? Если это подражание Шекспиру, его манере драматического развития, его смелому и сочному рисунку, то это, конечно, худо. Если какая-либо из шекспировских пьес взята как трафарет и наложена на живое тело легенды, — это худо. Но если Шекспир приглашен Мусреповым не как очередной соавтор, но как учитель, в этом, конечно, нет никакой беды.

Приглядимся к пьесе. Сам Мусрепов говорит, что «Козы-Корпеш и Баян-Слу» — это казахские Ромео и Джульетта. Этим самым Мусрепов дает ключ к системе образов пьесы. Он не прячет метода, которому следует, он как бы выпячивает его, как бы выводит на авансцену. «Я не скрываю своего оружия, — говорит он, — мое оружие — Шекспир. Бейте же пьесу Шекспиром!»

Понятно, бить Шекспиром очень просто, оружие это сильное, и вернуться от него нелегко. Однако основной удар проходит мимо цели. Отдельные же удары ложатся лишь на те «потугбы», а потому и беззащитные места пьесы, которые брошены Мусреповым недоработанными. Такие места есть, их не мало — в них Шекспир не преодолен, а только отражен. Эти места явно подражательны, и товарищи правы, нападая на них. Однако нельзя за тремя соснами не увидеть леса. Сосны взяты у Шекспира, но лес взращен самим Мусреповым, лес — мусреповский. У Мусрепова было два советника: Шекспир и казахский народ. Здесь возразить нечего: оба советника дали неплохие советы.

4.

В творческой интерпретации Мусрепова сюжет сложился так: в степях живет Карабай, богач, стяжатель, алчная душа, владелец неисчислимых табунов; у него дочь на выданьи — Баян; он считает ее проклятием неба: дочь приведет мужа, муж покуется на его табуны! А женихи уже теснятся у юрты. Среди них — Кодар, человек бурного сердца, тяжелых страстей и слабой воли.

В детстве Баян была обручена с мальчиком Корпеш, своим погодком. Но Карабай, боясь, что дружба детей со временем перерастет в любовь, выгнал мальчика и его мать из аула. Матери поклялись на крови, что судьбы детей оплетутся в жизни. Пьеса течет широким романтическим потоком. И девушка, и юноша, не зная друг друга, живут предчувствием любви. Любовные поиски, томление, назревание высокой страсти — это как песня, и вся жизнь поет вместе с ними, — и степь, и горы, и ветер, и небо, и вода! Между любящими стоят Карабай, его темный советчик Жантык и Кодар, добивающийся сердца Баян. Трагедия назревает, трагедия близка. По наущению Жантыка, Кодар изза угла убивает Корпеша. Карабай, потерявший табуны, сходит с ума: бродит в степи, клича жеребцов. Кодар ищет смерти и не находит ее. Баян — казахская Джульетта — закалывает себя кинжалом на могиле Корпеша.

Было много опасностей и легких соблазнов в трактовке этого истинно шекспировского сюжета. Почему не пойти дорогой мелодрамы — сюжет легенды строится на противоборстве злодейских и благородных образов, совершенно законченно и недвусмысленно очерченных? Или, идя по первому ходу, стремясь приблизить легенду к современности, почему не отдать предпочтения форме бытовой драмы — в легенде очень много житейских черт, в ней дан крепкий аульный обиход, и сватовство, и набеги, и слишком земное, слишком исконное скопидомство Карабая?

Или, что всего проще, почему бы не списнировать легенду? Композиционная стройность ее сама толкает на этот накапанный путь.

Художественное чутье оберегло Мусрепова от этих ошибок, которые могли бы оказаться роковыми. Он делал пьесу не по легенде, а на основе ее. Сохранив за собою свободу в обращении с материалом, что для него, как художника, являлось необходимою, он создал романтическую народную трагедию, трагедию крупных страстей и крупных образов. Поэтическая сторона его дарования позволила ему добиться музыкального звучания слова. Пьеса воспринимается как трагедия-поэма. Образы Баян и Корпеша, рожденные творческой силой народа, как бы закрепились в пьесе, как бы нашли завершение, чтобы служить народу на путях его дальнейшей жизни.

Мне думается, что это значение работы Мусрепова трудно переоценить.

5.

Но работа над пьесой еще не закончена. Нужно, чтобы заросли творческой тканью все еще пустые места. Такое пустое место — Жантык, советчик Карабая, мелкий хищник, вдохновитель Кодара на убийство. Пока это никакой образ. Просто злодей чистой крови. Но таких профессий в жизни, как слышно, не бывает. В пьесе он ходит, как бескровная тень Яго, и то напештывает, то плетет сети, то задыхается от скуки, потому что лишен бытия, а злодейство его слишком теоретично для того, чтобы самого его волновало.

Второе пустое место — народный певец Жаркын. У него есть прекрасные монологи, речь его образна и поэтична, но это речь самого Мусрепова: образа Жаркына в пьесе нет. Он — только скрепка между героями, толкач действия, такой же шептун, как и Жантык, но только шептун добрый. Само собою понятно, что обе эти роли в спектакле актерами провалены, — актеров можно только пожалеть. О том, что сделал с пьесой Казахский академический театр, следовало бы написать отдельно, потому что, повторяю, «Козы-Корпеш и Баян-Слу» — явление в жизни казахской культуры знаменательное. Но это особая тема. Здесь же, в этих коротких заметках, мне хотелось поздравить казахскую литературу с отличным, несмотря на отдельные промахи пьесы, успехом Габита Мусрепова.